

Когда я уложила её на кровать, на её глазах ещё блестели слёзы. Без косметики её лицо выглядело непривычно беззащитным. Когда я наклонилась, чтобы снять короткую рубашку, она слегка дрогнула, протянула руку и, словно не решаясь, позвала: «Тайпин».

Тайпин — как прекрасно звучало это имя в её устах, словно капля росы на лепестке маргаритки, скатывающаяся к самой сердцевине цветка.

Я подняла левую руку, взяла её руку и медленно переплела пальцы, слегка согнув их, крепко сжимая её ладонь. Правой рукой я сделала то же самое с её другой рукой. Её одежда уже была расстёгнута. Держа её так, я наклонилась и мягко поцеловала между грудями. Губы мои слегка приоткрылись, и я водила ими вверх-вниз, скользя подбородком по её коже, раз за разом, пока всё её тело не напряглось и не задрожало. Лишь тогда я двинулась от груди к животу. Достигнув места на вершок ниже пупка, я позволила себе шалость: внезапно высунула язык, коснулась кончиком её низа живота, лизнула и продолжила путь вниз.

Она вся резко сжалась, ноги её слегка согнулись, правая коснулась моей груди, но тут же выпрямилась. Теперь она забыла о страхе, сама подалась вниз, не позволяя мне двигаться дальше, подняла голову и сквозь слёзы взглянула на меня. Её руки выскользнули из моих, потянулись ко мне и принялись развязывать мой пояс.

Вскоре мы обнажили верхнюю часть тела и обнялись. Юбки и штаны ещё не были сброшены окончательно, но уже съехали: одни — до половины, другие — задрались до пояса. Она прильнула губами к моим, и её ловкий язык проник за мои губы, нежно посасывая кончик моего. Я же обеими руками скользила по её бокам, отчётливо ощущая каждое ребро, затем спустилась ниже живота и едва коснулась нежной весенней травки, как она слегка поморщилась, сдавленно вскрикнула с закрытым ртом. Я подняла руки перед собой и увидела, что на всех её десяти пальцах — острые ногти, нарочно окрашенные фиолетовым цветочным соком, а по нему тонкой кистью нанесены золотые и серебряные цветочки.

Мне стало немного стыдно. Обняв её, я сказала: «Можно и без рук обойтись». Я согнулась, чтобы продолжить, но она тихо рассмеялась, обвила мои ноги своими и руками не дала мне двигаться.

Потирая ногами, она стянула с себя шёлковые штаны, затем подняла ступню, ухватилась пальцами ног за край моих шаровар и стащила их до щиколоток. Будь мы полностью обнажены — другое дело, а так, наполовину прикрытые, наполовину открытые, одни места согревались теплом, а другие обдувал прохладный осенний ветер, отчего у меня побежали мурашки и ноги сами собой сжались, так что получилось, что она сжимает меня, а я — её.

Именно в этот момент она согнула одну ногу и принялась тереться коленом и бедром о мою ногу. Руки её скользили по моей спине вниз — от лопаток к пояснице, к ягодицам, и снова возвращались к ним, повторяя круговые движения.

Она по-прежнему лежала подо мной, приподняв голову, и нежно целовала моё ухо. Наласкавшись вдоволь, она одну руку положила мне на поясницу, а другой соскользнула с ягодиц вперёд, к вратам, подняла палец и мягко вошла внутрь.

Рука её была тонкой и твёрдой, как сухая кость. Вначале я почти ничего не чувствовала, но потом возникло лёгкое покалывание, а в нём — и наслаждение, словно стройная сосна качается на ветру, паря в море облаков и тумана. Я невольно ухватилась за её руку, двигаясь в такт её ритму, временами касаясь коленом её лона, отчего и она подо мной вздрагивала раз за разом.

Мы не переставали ласкать и утешать друг друга, словно стремясь наверстать всю нежность, что недополучили за почти год разлуки. После долгой разлуки близость наша, хоть и оставалась неумелой, была куда страстнее и жаждущей, чем в первый раз. Мы вновь и вновь соединялись, жажда, чтобы каждый вершок кожи пропитался запахом друг друга. То нас охватывал порыв, и мы трепетали, словно в лихорадке, то накатывала усталость, и мы лениво нежились, будто в зимней спячке.

В конце концов наши тела изнемогли от усталости, но глаза по-прежнему были открыты, и спать ничуть не хотелось — хоть мы и находились в одной столице, неизвестно было, когда выпадет следующая такая встреча. Потому, не сговариваясь, мы особенно ценили эти краткие мгновения вместе.

Наконец она первая похлопала меня по руке: «Поспи хоть немного, а то с утра сердце заболит».

Я кивнула, но всё не желала отодвигаться, лишь повернулась на бок, положила руку ей на живот и тихо сказала: «Цуй Мин-дэ узнала о наших с тобой делах. На этот раз она очень помогла».

А-Хуань помолчала, прежде чем ответить: «Я была слишком самонадеянна. Мне до неё... далеко».

Я похлопала её по плечу: «Если уж ты так говоришь, то меня и вовсе в грязь втоптать можно. У каждого свои достоинства. На твоём месте ты поступила очень хорошо».

Она покачала головой: «Не надо меня утешать. На самом деле ты... куда умнее меня».

Я удивлённо взглянула на неё. Она слегка прикусила нижнюю губу, на лице появилось смущение, глаза опустились. Спустя некоторое время она тихо проговорила: «Раньше я всегда слегка презирала тебя, считала простоватой и беспечной, ни во что не вникающей. И не понимала, что я, со своей суетливой расчетливостью и мнимой умностью, и была самой большой дурой».

Я горько усмехнулась: «Беспечность привела к тому, что в решающий момент я лишь беспомощно смотрела, как тебя изгоняют. Если это достойно похвалы, то что тогда недостойно? Не принижай себя. Ты сделала всё, что могла, в твоём положении». Видя, что она всё ещё печалится, я поспешила сменить тему: «Раз Эрлана низложили, твоя семья наверняка пострадает. Остальных я не спасу, а вот Ушэнжэня защитить легко. Хочешь, чтобы он покинул столицу или остался? В Секретариате он прослужил недолго, продвижение по службе в столице будет трудным. Не лучше ли отправить его начальником уездной охраны, пусть наберётся опыта за пару лет, потом вернётся и сдаст экзамен на высшую степень. Я заметила, матушка в последнее время щедро награждает и жалуется множество должностей, так что сдать экзамен на цзиньши теперь проще. Я найму ему наставника, а когда настанет пора экзаменов, он может прийти ко мне за рекомендательным письмом. Если сдаст, получить столичную должность будет легче».

А-Хуань искоса взглянула на меня: «Если не хочешь защищать остальных, так и скажи. Что значит „Ушэнжэня защитить легко“? Разве он один в семье не сын моего отца и не брат бывшей императрицы?»

Я усмехнулась: «А кого ты хочешь, чтобы я спасла? Вэй Сюня? Я обеспечу ему двести ударов палками и ссылку на три тысячи ли, чтобы никогда не возвращался. Хорошо?»

А-Хуань повернулась ко мне, взяла мою руку и сказала: «Тайпин, не надо ради меня на такое идти».

Мы уже давно не лежали так, лицом к лицу. Я не могла оторвать от неё взгляда, потянулась и ущипнула её за щёку: «В тот день род Цуй что-то сказал тебе, и ты расплакалась, да? Ты всегда осторожно служила матушке, а твои домашние с самого начала примкнули к Эрлану, так? Ты ещё не обжилась в замужестве, а твоя старшая сестра уже спешила завлечь Эрлана. Не верю, что твоя семья ничего не знала».

Она улыбнулась мне: «Всё верно, кроме одного: в тот день они и вправду пришли с поздравлениями. Не только поздравили, но и сказали, что отец намерен отреставрировать могилы матушки и Цинян. Матушка также сказала, что хочет сосватать за Ушэнжэня девушку из рода Лу».

Я пристально посмотрела на неё: «Правда?»

Она усмехнулась: «Конечно, правда. Только кроме этого они ещё сказали, что семья беспокоится, как бы мне одной во дворце не было одиноко, а старшая сестра моя, дескать, всё равно калека, замуж ей не выйти, так не лучше ли ей переехать во дворец составить мне компанию». На её лице появилось неприкрытое презрение: «Они полагают, раз она увечна, то и другим на неё наплевать, а Эрлану что, понравится?»

Мне не хотелось ничего говорить. Я лишь перевернулась и нежно поцеловала её в висок. Тело моё совсем ослабло, и я снова повалилась на спину: «Матушка уже повелела выдать Вэй Синь за Эрлана. Теперь они получили своё».

Она подтолкнула меня, чтобы я встала: «Раньше ты никогда не говорила таких злорадных слов. Как же ты изменилась за это время? Скоро рассвет, пора возвращаться».

Я уже почти сомкнула глаза, понимая, что пора уходить, но не могла заставить себя подняться, лениво прильнув к её руке и пробормотав: «Ещё чуть-чуть».

«Впереди ещё много дней», — сказала она, насильно поднимая меня, собственноручно одела меня и, крадучись, подошла к окну. Выглянув наружу, как вор, она поманила меня.

Поправляя волосы, я подошла к окну, всё ещё не желая уходить, и сказала: «Завтра я снова приду во дворец. У тебя день рождения в конце седьмой луны? Что хочешь? Я всё устрою».

Она на мгновение задумалась, затем поняла и рассмеялась: «У меня день рождения не в конце седьмой луны, а в девятой».

<http://bllate.org/book/16278/1466998>